

Практика пролетела незаметно, и, когда Чжоу Чжоу медленно открыл глаза, за окном уже вовсю сияло утро. Несмотря на то что он просидел в медитации всю ночь, никакой усталости не было и в помине — напротив, он чувствовал себя необычайно бодрым и свежим, отчего с удовольствием потянулся. Заметив, что малыш всё ещё погружён в практику, Чжоу Чжоу осторожно выбрался из постели, обулся и встал, но тут же озадаченно уставился на разложенную перед ним одежду.

Он оглянулся на мальчишку, который даже не шелохнулся, и с тоской посмотрел на свои наряды. Сколько бы он ни пытался, всё шло не так: то нижнее бельё оказывалось поверх халата, то завязки путались самым нелепым образом.

Чжоу Чжоу был в отчаянии. Его полная беспомощность в быту просто выводила из себя.

Цзи Юньлю проснулся как раз в тот момент, когда его учитель, ссутулившись и окончательно запутавшись в ворохе тканей, выглядел крайне подавленным. Вспомнив о том, что мастер совершенно не умеет одеваться, он сразу понял, что нужно делать.

— Учитель, — раздался звонкий, чистый голосок.

— А? — Чжоу Чжоу, не ожидавший, что ученик уже проснулся, вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял мальчик, щурясь в своей привычной улыбке и демонстрируя белые зубки, словно маленький котёнок, выпрашивающий ласку.

Это было настолько мило, что Чжоу Чжоу чуть не пустил слюни от умиления.

Поэтому, когда Цзи Юньлю невозмутимо произнёс: — Учитель, идите сюда, я помогу вам одеться, — Чжоу Чжоу, не раздумывая, радостно поспешил к нему.

О боже, какой же малыш послушный! То, как он старательно поправлял на нём одежду, выглядело невероятно трогательно.

Цзи Юньлю, конечно, не знал, о чём думал учитель, но и сам получал огромное удовольствие от процесса. Однако насладиться моментом им не дали.

Как раз когда мальчик собирался завязать пояс на талии Чжоу Чжоу, снаружи раздался яростный крик: — Тварь, не уйдёшь! — и вслед за ним с грохотом распахнулась дверь.

Таньлан, получив удар, влетел в комнату. Он выглядел так, будто вот-вот рассыплется на части, и от боли его тело содрогалось. Божественный зверь, который никогда не ругался, выдохнул то же самое, что и Чжоу Чжоу в день своего прибытия: — Чёрт, больно-то как!

Чжоу Чжоу, увидев, как Таньлан ввалился в комнату в столь жалком виде, бросился к нему, чтобы осмотреть раны. Но, услышав это ругательство, он на секунду замер, дёрнул щекой и

лишь потом опустился на корточки.

Блестящая белоснежная шерсть Таньлана была местами вырвана, а всё тело покрыто алыми пятнами крови — зрелище было поистине жутким.

Чжоу Чжоу всегда считал, что раз Таньлан — божественный зверь, то у него шкура толстая, как у носорога, и мелкие стычки ему нипочём, но сейчас он не на шутку перепугался: — Что случилось? Какой ублюдок и мерзавец тебя так отделал?

— Хм, это был я. И что ты мне сделаешь? — раздался с порога голос мужчины средних лет.

Чжоу Чжоу поднял голову и увидел человека лет сорока в белых одеждах. К белому цвету Чжоу Чжоу всегда был равнодушен, поэтому не стал вглядываться в детали, а сразу перевёл взгляд на лицо незнакомца. Тот стоял с перекошенным от ярости лицом, глядя на него так, будто Чжоу Чжоу задолжал ему семьдесят наложниц и не собирался возвращать. Мощная аура, которую тот намеренно источал, заставила Чжоу Чжоу задохнуться.

Сначала ему стало не по себе, но, мельком взглянув на страшные раны Таньлана, он почувствовал, как кровь ударила в голову, и сдержаться больше не смог: — Послушайте, дяденька, вы ведь уже в годах, может, пора повзрослеть? Обижать маленьких животных — занятие, которым побрезгует даже трёхлетка, не говоря уже о почтенном старце.

Уважение к старшим — вещь хорошая, но всё зависит от человека. Чжоу Чжоу, конечно, был мягким по натуре, но и у него имелся предел терпения. Видеть, как у него на глазах калечат Таньлана, а потом ещё и вести себя так, будто все вокруг ему обязаны — это было уже чересчур. Терпеть не мог таких стариканов, которые не умеют вести себя достойно.

Мо Хуаньсу от слов Чжоу Чжоу о дяденьке и старике чуть не вырвало кровью. Никто и никогда не смел так с ним разговаривать, тем более этот отброс с повреждённым золотым ядром. Все эти годы Чжоу Чжоу тихо отсиживался на пике Сяочжу и не показывался, а Мо Хуаньсу не мог открыто прийти и унижить его. Но вчера он узнал, что запрет на посещение пика снят, и сегодня с раннего утра примчался сюда. Он и представить не мог, что все заготовленные язвительные речи не успеют даже сорваться с языка, как будут отражены парой фраз.

Мо Хуаньсу был в такой ярости, что едва не ткнул пальцем в нос Чжоу Чжоу, чтобы проорать: ты хоть понимаешь, в каком положении находишься? Раз уж ты никчёмный отброс, то води себя соответственно, а не смей огрызаться, жить надоело?

Конечно, это были лишь мысли автора, ведь как коренной житель мира самосовершенствования, Мо Хуаньсу не обладал навыком скрытого сарказма.

На самом деле он лишь дёрнул усами и язвительно произнёс: — Младший брат Юнь, годы идут, а язык у тебя стал куда острее. Интересно, а вот мастерство твоё хоть немного продвинулось?

Мо Хуаньсу прекрасно видел уровень развития Чжоу Чжоу, но спросил это лишь по старой привычке — чтобы при встречешний раз уколоть соперника.

Чжоу Чжоу не уловил скрытого смысла, ведь он не был настоящим Юнь Цинмо, но обращение младший брат его удивило. Во всей секте Цзюньшань людей, которые могли так его называть, можно было пересчитать по пальцам одной руки, а по тону он сразу понял, кто перед ним.

Познания Чжоу Чжоу о Мо Хуаньсу ограничивались лишь парой абзацев из его собственного романа: глава пика Юнь, враг Юнь Цинмо, а заодно и недоброжелатель будущего босса Цзи. Персонаж-пушечное мясо, чья роль в сюжете была даже менее значимой, чем у самого Юнь Цинмо.

Однако нельзя было отрицать, что в рамках этой локации Мо Хуаньсу был настоящим боссом, с которым такому игроку, как Чжоу Чжоу — с его нулевыми навыками и отсутствием защиты, — тягаться было невозможно.

О боже, моё сердечко, — простонал про себя Чжоу Чжоу.

Стиснув зубы, он подавил желание разрыдаться и, собрав всю волю в кулак, ответил: — А, это старший брат Мо. И вправду, давно не виделись. Как вы поживаете?

Говорят, что лучше всего тебя знает твой враг. Раз они с Юнь Цинмо враждовали всю жизнь, Мо Хуаньсу наверняка знал оригинал как облупленный. Встретить его на второй день после перемещения было опасно, и Чжоу Чжоу старался быть максимально осторожным, чтобы не выдать себя.

Мо Хуаньсу, опешив от такой фамильярности, процедил: — Отлично. Просто великолепно. — Хотя в его словах не было ни грамма искренности.

Чжоу Чжоу опустил взгляд и, мягко улыбнувшись, продолжил: — О, я очень рад. Если у старшего брата всё хорошо, то и я спокоен. Только вот я давно не покидал пик Сяочжу, так что не знаю, зачем вы пожаловали и почему ранили моего духовного зверя?

Глядя на эту улыбку, Мо Хуаньсу снова почувствовал, как его слова уходят в пустоту. Он словно бил кулаком в вату, и от этого становилось невыносимо досадно. Но раз тот улыбается, нападать было неудобно. Ему казалось, что Юнь Цинмо стал каким-то другим, хотя сказать, в чём именно заключалась разница, он не мог.

— Я пришёл на пик Сяочжу, потому что услышал, что ты собираешься участвовать в церемонии принятия учеников в следующем месяце. Подумал, у тебя мало опыта, решил заглянуть и помочь советом. А что касается зверя — это недоразумение. Я увидел, как эта тварь бродит у подножия пика, и испугался, что она может навредить тебе, вот и решил поймать её. Кто же знал, что это твой питомец.

Мо Хуаньсу твёрдо решил не признаваться, что позарился на таланты Таньлана и хотел забрать его себе. Он и правда не думал, что зверь принадлежит Юнь Цинмо, но решил, что так даже лучше: зверь теперь ранен, и его потенциал наверняка пострадает.

Таньлан чуть не лопнул от ярости. Он — божественный зверь, его раны выглядели страшно, но кости и жилы были целы, так что на таланты это не влияло, просто нужно было время на восстановление. Но больше всего его бесило другое: почему с тех пор, как он связался с этим глупым хозяином, его жизнь превратилась в сплошную катастрофу? За полдня он получил ранения дважды, и нынешние были самыми тяжёлыми в его жизни.

Он хотел было полоснуть когтями по фальшивой улыбке Чжоу Чжоу, но, вспомнив вчерашний острый взгляд, струсил. В итоге лишь недовольно засопел.

Чжоу Чжоу решил, что зверь стонет от боли, и, осторожно обходя раны, принялся гладить его по голове, успокаивая. Встретившись с ним взглядом, он нежно улыбнулся.

Таньлан закатил глаза: чему он радуется? Но на душе стало чуточку теплее.

Чжоу Чжоу повернулся к Мо Хуаньсу, его улыбка слегка померкла, и он медленно произнёс: — Раз это недоразумение, то мне нечего сказать. Благодарю за заботу, но я уже участвовал в церемониях, всё прекрасно помню и в помощи не нуждаюсь.

— О, значит, я зря беспокоился. Но на церемонии будет много желающих, если хочешь выбрать достойных учеников, тебе стоит подготовиться заранее, — Мо Хуаньсу сделал многозначительную паузу и добавил: — У тебя уже есть кто-то на примете? Если да, обязательно скажи мне, чтобы мы случайно не выбрали одного и того же человека. Было бы обидно портить наши братские отношения из-за такой мелочи.

Ха, как сладко поёт. Неужели хочет выведать, кого я выбрал, чтобы увести ученика прямо из-под носа? Ну уж нет, мой малыш не так прост.

Чжоу Чжоу злорадно подумал, что будет весело, если Мо Хуаньсу обломает зубы о его ученика.

Сохраняя невозмутимое выражение лица, он ответил: — Конечно, один кандидат у меня есть.

— О? И чьё же чадо удостоилось такой чести? — Мо Хуаньсу действительно удивился. Он спросил это лишь ради того, чтобы позлить Юнь Цинмо, и не ожидал, что у того и вправду кто-то есть.

— Это не ребёнок из знатной семьи, я встретил его во время странствий и привёл с собой, — Чжоу Чжоу обернулся к Цзи Юньлю, и его улыбка стала искренней. — Юнь-эр, подойди и поприветствуй старшего дядю Мо.

Босс Цзи, обладая первоклассным актёрским мастерством, послушно вышел вперёд и робко прошептал: — Ученик Цзи Юньлю приветствует старшего дядю Мо.

Увидев такую пугливость, Мо Хуаньсу лишь усмехнулся: с таким характером — и Юнь Цинмо его выбрал? Видимо, кроме смазливой мордашки, в нём ничего нет. Впрочем, вспоминая странные вкусы Юнь Цинмо, он решил, что тот просто падок на внешность.

Мо Хуаньсу решил, что раскусил Юнь Цинмо, и, поскольку сам он не видел в робком Цзи Юньлю ничего стоящего, желание переманивать ученика у него пропало. Он небрежно кивнул и сухо ответил.

Но как только он это сделал, Цзи Юньлю, словно испуганный кролик, быстро спрятался за спину Чжоу Чжоу, лишь выглядывая оттуда своими фиалковыми глазами.

— ... — Мда, какой учитель, такой и ученик, оба никчёмные.

После вчерашних событий Чжоу Чжоу, конечно, видел маскировку своего ученика. Видя, как тот безмолвно даёт отпор Мо Хуаньсу, он почувствовал и смех, и умиление. Он погладил пушистую голову мальчика в знак поддержки и снова повернулся к гостю с сияющей улыбкой: — Старший брат, Юнь-эр очень застенчив и любит быть рядом со мной, не сердитесь на него.

— Ничего страшного, — ответил Мо Хуаньсу, которому явно не хотелось продолжать этот разговор.

Он пришёл, чтобы унижить Юнь Цинмо, но в итоге лишь сам почувствовал себя оплётанным. Взглянув на улыбающееся лицо Юнь Цинмо, которое не менялось с самой встречи, он внезапно всё понял.

Теперь он знал, что изменилось. Раньше, если бы он заговорил с ним так, Юнь Цинмо давно бы бросился в драку. А сейчас он язвил полдня, но Юнь Цинмо смотрел на него так легко и спокойно, будто не замечал насмешек, при этом умудряясь каждой фразой ставить его в тупик.

Мо Хуаньсу понял: вывести Юнь Цинмо из себя словами, чтобы тот первым начал бой, а потом унижить его — больше не удастся.

Раз цель не достигнута, оставаться здесь не было смысла. — Если у младшего брата больше нет дел, я пойду. Увидимся на церемонии.

Чжоу Чжоу с почтением поклонился: — До свидания, старший брат. Мне нужно лечить зверя, так что проводить не смогу.

Мо Хуаньсу взмахнул рукавом и в мгновение ока исчез из виду.

<http://bllate.org/book/22479/2368322>